

УДК 81' 44 (045)

Э.В. Рубанюк

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ БУКВЕННОГО ЗНАКА В РУССКОМ, НЕМЕЦКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Буквенный знак традиционно используется для обозначения на письме фонем, их основных вариантов или их типичных последовательностей. В статье речь идет о том, что его функционирование этим не ограничивается, так как он способен репрезентировать на письме единицы практически всех языковых уровней: фонемы, морфемы, слова, предложения; а также передавать экстралингвистическую (невербальную) информацию. Примеры из русского, английского и немецкого языков иллюстрируют, что полифункциональность буквенного знака предопределена языковой системой, контекстом, культурной традицией.

Предмет семиотики – коммуникативные системы и знаки, которыми в процессе общения пользуются люди (и не только люди, но и животные или машины) [1, с. 6]. Знаки заменяют сущности, явления и вещи и позволяют людям не только обмениваться информацией, но и накапливать духовный опыт [1, с. 9], причем совокупность знаков образует знаковую систему или язык [2, с. 143]. Любая система обладает определенной иерархичностью: в лингвистике различают фонемный, морфемный уровни языка, а также уровень слова, словосочетания, предложения и текста [3, с. 7].

В любом языке взаимодействуют единицы разных уровней, которые в свою очередь определяются через термин «знак», например, предложение – это «лингвистический знак особого типа» [4, с. 6]. Слово – это тоже «знак» [1, с. 9; 5, с. 14–15; 6, с. 19]. Буква – это «графический знак, который ...традиционно используется для обозначения на письме фонем, их основных вариантов или их типичных последовательностей» [7, с. 69]. Этот знак рассматривается, в первую очередь, как графема основных структурных единиц системы письменного варианта конкретного языка [8, с. 117], и поэтому он входит в алфавитную и графическую (под) системы этого языка.

Следует отметить, что все языковые графемы репрезентируются посредством букв, но не каждая буква в любой дистрибуции является графемой. Так, например, сопоставляется статус графем у мягкого и твердого знаков в кириллице [9, с. 105], так как они не обозначают никаких фонем на письме. Во многих языковых системах из устойчивых сочетаний двух или более букв могут образовываться комбинированные графемы: например, буквенное сочетание <sch> в немецком языке обозначает звук [ʃ].

Особым статусом обладают и так называемые *немые* буквы (*англ. mute letters*), которые пишутся по традиции или указывают на особое произношение какой-либо из других букв, входящих в данное слово. В английском языке, например, буква «e» на конце слова, состоящего из двух слогов, является маркером того, что корневая гласная произносится как в открытом слоге: *name*, *tone*. Немой буквой в немецком языке может быть «h» как показатель долготы предыдущего гласного, например, *sehen*, *fahren* [10, с. 371].

Статус графемы у остальных букв никем не подвергается сомнению. Так, добавление буквы «а» к имени собственному меняет его род: ср. рус. *Валентин/Валентина*; нем. *Peter/Petra* и т.д. Здесь имеет место реализация смыслоразличительной функции знака. В данном контексте речь идет о флективной морфеме «а», которая меняет грамматический род имени собственного. Но этим не исчерпываются все возможности функционирования буквенных знаков. Наша гипотеза заключается в том, что их предназначение заключается в графическом изображении не только определенных фонем или флективных морфем, но и единиц других языковых уровней, что пока практически не нашло

своего отражения во многих лингвистических справочниках [7, с. 69; 9, с. 105; 11 с. 9]. В связи с тем, что функционализм стал основной характерной чертой для языкознания во II-ой половине XX века [12, с. 11], исследование в данном русле представляется достаточно актуальным и востребованным.

Буквенные знаки как репрезентанты морфем функционируют еще и в качестве приставок: например, «а-» в русском, немецком и английском языках выражает отрицание, ср.: рус. *а-симметрия, а-логичный, а-моральный*; нем. *a-politisch, a-sinnlich, a-typisch*; англ. *a-theist, a-typical, a-sexually* [13, с. 13; 14, с. 49; 15, с. 1]. В качестве приставок в русском языке могут функционировать и другие буквенные знаки, например, приставка *в-* образует наречия от прилагательных: *вручную, вслепую*; имен существительных: *вверх, вдвое*; имен числительных: *вдвоем*; глаголов: *вдогонку, вприкуску*, а также: «к-» – *кверху, книзу*, «о-» – *озеленить, озвучить*; «с-» – *спаять, сполна*, смолodu [13, с. 63, 252, 416, 680]. В немецком и английском языках другие буквенные знаки в функции приставки не используются. Этот феномен объясним, по-видимому, во-первых, тем фактом, что приставка «а-» заимствована немецким и английским языками из греческого [16, с. 41], поэтому она используется очень редко и, видимо, не может быть однозначным показателем такого функционирования буквенного знака в германских языках. Во-вторых, А.И. Смирницкий утверждает, что префиксация была свойственна английскому языку лишь в древний период, например, *singan неть* – *ā-singan пропеть*, а «в дальнейшем этот способ образования форм был утрачен» [17, с. 12].

В исследуемых языках используется целый ряд морфем, которые на письме обозначены одиночными буквенными знаками, например, *суффиксы и флексии*. В русском языке суффиксальный тип словообразования является очень продуктивным: ткач-их-а, пере-воз-к-а, сол-и-л-а, чуд-ак-оват-ость-ю, пол-ов-ич-к-а, стол-ы и т.д. [18, с. 131], поэтому анализу функционирования одиночного буквенного знака в таком качестве в данном языке может быть посвящено отдельное научное исследование.

В немецком языке наиболее активно используются буквы-флексии «-e» (Tag-e), «-n» (Regel-n), «-s» (Auto-s) для образования, например, множественного числа имен существительных, а суффикс «-o» способствует образованию жаргонизмов, которыми характеризуют лиц мужского пола, указывая на присущую им некую характерную черту характера: *Fundamental-o, Prolo-o, Real-o* [14, с. 1090].

Количество суффиксов в английском языке значительно меньше, чем в русском, но нельзя недооценивать этот тип словообразования в связи с ярко выраженной омонимией словоизменительных суффиксов в сочетании с нулевыми: ср. англ. *drink* (имя существительное ‘напиток’ и глагол ‘пить’) – *drink-s* (мн.ч. имени существительного и 3-е лицо ед.ч.). Суффикс «-s» наряду с указанными значениями является показателем притяжательного падежа имен существительных *horse* – *horse's*; он также маркирует субстантивные формы притяжательного местоимения – *our-s* (наш) [17, с. 12–14]. Упрощение морфологии английского языка, ее многозначность и полифункциональность – это общеизвестные факты. Этот феномен имеет место и в немецком языке, причем здесь флексия «-s» выполняет больше функций и передает большее количество значений, так как у имени существительного она, например, маркер:

а) родительного падежа большинства имен существительных среднего и мужского рода в единственном числе на –e, –ler, –ner, –le, –en, –sel, –tel, –chen, –el, –er, –lein, –ling: *des Abends, des Urteils*;

б) смены типа склонения, т.е. в род. пад. ед. ч. *mit des Markgrafs (statt Markgrafen) Weib* (G. Hauptmann);

в) множественного числа слов иностранного происхождения *Metro-s, Baby-s, Hotel-s*;

г) множественного числа некоторых субстантивированных частей речи: букв, союзов, междометий: *die A-s, die Wenn-s, die Ach-s*.

д) стиля разговорного языка: дополнительная флексия «s» акцентирует внимание слушателя на форме множественного числа имен существительных, форма которых в единственном числе совпадает со множественным, например, *diädeM* -s, *die Mädchen-s*, *die Kumpel-s*, *die Bengel-s*.

У *наречий* – это, во-первых, словообразовательный суффикс, если они образуются, например, от имен существительных, обозначающих время: *morgen-s*, *mittag-s*, *abend-s*, *nacht-s*. Во-вторых, это стилистический маркер разговорного варианта языка, если он присоединяется к сравнительной степени некоторых наречий: *öfter* – *öfters*: *Wenn es Ihnen nichts ausmacht, werden wir uns öfter-s unterhalten (Konsalik)* [19, с. 222, 226, 233, 252, 535, 536].

На уровне слова можно выделить несколько частей речи, которые по форме могут совпадать с отдельными буквенными знаками. В первую очередь следует отметить как количественные *имена числительные* (так называемые латинские цифры): *I (1)*; *V (5)*; *X (10)*; *L (50)*; *C (100)*; *D (500)*; *M (1000)*; *A (5000)*, так и порядковые: ср. рус. *ложка Г*; *раздел г*; *место г*.

В английском языке принято писать *буквенные знаки с точкой*, которые отображают на письме *порядковые имена числительные*, например, «b.» – второсортный (товар); «с.» – третьесортный [20, с. 55, 102]. В немецком языке *порядковые имена числительные* оформляются на письме точно так же с *точкой*: *am 1. Mai*, *am 9. Mai* и т.д. Таким образом, точка оформляет на письме порядковые имена числительные, выраженные *цифрами*, в немецком языке, и некоторые *буквенные обозначения* с аналогичной семантикой в английском.

Буквенные обозначения, функционирующие в качестве имен существительных, в исследуемых языках – среднего рода: ср. рус. *прописное а*, нем. *das A*, а также англ. *a* – *a noun (it)* [11, с. 1; 14, с. 49; 15, с. 1].

Местоимения-буквы – это редкое языковое явление: в русском языке это «я», в английском – «I» (1-е лицо ед.ч.).

В русском языке буквенные знаки используются как *предлоги*: «в» (в Минск), «к» (к другу), «о» (о совести), «с» (с крыши), «у» (у соседей) и т. д. [11, с. 80]. В этой функции используется буквенный знак «á» в немецком *fünf Briefmarken á zehn Pfennig* (*пять почтовых марок по десять пфеннингов*) и «a» в английском языках: *twice a day* (*дважды в день*) [20, с. 13; 21, с. 23].

Буквенные знаки «а» и «и» в русском языке употребляются как *союзы*: *Этот вопрос всего чаще решается в сердцах людей совсем не на основании достоинств, а по другим причинам, гораздо более натуральным.* (Ф.М. Достоевский: Братья Карамазовы). *И все-то им поздно, и все-то им нельзя!* (Ф.М. Достоевский: Братья Карамазовы).

Русские буквы-частицы «а», «ж», «и» используются достаточно часто. Считается устаревшей «с», но раньше она присоединялась к слову для придания оттенка подобострастия, вежливости или ироничности: *Кажется, уж я на хорошей дороге – а?* (Ф.М. Достоевский: Братья Карамазовы) *Чего изволите-с? Куда ж ты?* Ни в английском, ни в немецком языках нет союзов и частиц, которые бы отображались на письме одной буквой.

Буквенные знаки могут репрезентировать и *междометия*. В русском языке они выражают: досаду, горечь, удивление, злорадство (*а*); увещание или несогласие (*и*); сильное чувство или же подчеркивают утверждение/отрицание (*о*); угрозу или укоризну, удивление, страх и другие эмоции (*у*); недоумение, удивление, недоверие и другие самые разные чувства (*э*) [13, с. 13, 230, 416, 809, 893]. В немецком языке всего две буквы способны передавать чувства: *i* – отказ с презрением и *o* – радость, тоска, ужас и т.д. [14, с. 749, 1090]. В английском языке только буква «o» может быть использована в таком качестве, но ее употребление стилистически сильно ограничено [15, с. 872].

Разное количество буквенных знаков в исследуемых языках (в русском 5, немецком 2, английском 1), способных на письме отображать междометия, объясняется, по-видимому, структурой этих языков.

В данной связи следует отметить, что у междометия как части речи до сих пор однозначно не определен статус, так как это «знак, выполняющий экспрессивную и репрезентативную функции» [22, с. 7]. Некоторые исследования в рамках так называемой лингвистики эмоций (эмотиологии) показали, что «чем более эмоционально нагружен знак, тем он менее лингвистичен» [22, с. 7]. Этот вывод, несомненно, подтверждают и буквенные знаки, функционирующие как междометия в искомых языках.

Многие лингвисты считают, что, хотя междометия служат для выражения чувств, они «не имеют собственного понятийно-категориального выражения и структурной формы» [23, с. 74]. В немецком языкознании закрепилось мнение, что междометия – это предложения, состоящие из одного слова «*Ein-Wort-Sätze*» [24, с. 283], так как они синтаксически изолированы [9, с. 276; 19, с. 90] и могут самостоятельно образовывать законченное и самостоятельное высказывание «*vollständige und selbständige Äußerung*» [25, с. 13].

Если, как вытекает из вышесказанного, междометие, состоящее из одного слова, признается самостоятельным предложением, правда, имеющим свою структурную специфику, то и междометию, графически обозначаемому одной буквой, автоматически присущ такой статус. С этим можно согласиться, если буквы-междометия употребляются как «самостоятельные предложения без формы», например, ср. рус.: *У, какие страсти! Э, да у нас и гор-то нету! – воскликнул отец Иосиф.* (Ф.М.Достоевский: Братья Карамазовы); нем.: *i., schmeckt das komisch!* [14, с. 749].

Но если эти буквы-междометия используются как усилители конкретных значений, то, соответственно, не являются обособленными, поэтому их нельзя признать буквами-предложениями: *Э нет. Я не согласен!* [13, с. 893]; *O ja!; O Wunder!* [14, с. 1090].

Можно сделать следующие выводы: один и тот же буквенный знак может быть формальным репрезентантом не только фонемы, но и единиц разных языковых уровней: морфемы (приставки, суффикса, флексии) и/или разных частей речи (предлогов, союзов, имен числительных, частиц, междометий) и даже предложения. Гипотетически допустим и уровень текста, так как его границы в лингвистике до сих пор размыты [3, с. 12]. В некоторых случаях буквенные знаки способны передавать мини-контексты: так, например, американский фильм, снабженный грифом *R*, предназначен для просмотра подростками моложе 17 лет только в сопровождении взрослых.

Несомненно, специфика употребления буквенных знаков имеет свои особенности в каждом рассматриваемом языке. При этом имеет большое значение контекст употребления. Потенциал использования самостоятельного буквенного знака в русском, немецком и английском языках представлен в таблице.

Таблица – Использование буквенного знака в русском, немецком и английском языках

Языковой уровень	Язык		
	русский	немецкий	английский
Фонема	+	+	+
Морфема (приставка)	+	—	—
Морфема (суффикс/флексия)	+	+	+
Слово (предлог)	+	+	+
Слово (союз)	+	—	—
Слово (частица)	+	—	—

Продолжение таблицы

Слово (артиклъ)	—	—	+
Слово (местоимение)	+	—	+
Слово (имя числительное)	+	+	+
Слово (имя существительное)	+	+	+
Слово-предложение (междометие)	+	+	—

Анализ функционирования буквенного знака в трех исследуемых языках был бы неполным без учета *экстралингвистической информации*. Ее может выражать самостоятельно употребленный буквенный знак, многозначность которого можно проиллюстрировать следующим образом: латинское прописное «B» – это:

- вторая буква латинского алфавита;
- международное обозначение третьей группы крови;
- латинское название гаммы си-мажор;
- хороший балл в английской школе, который соответствует четверке в России, семерке или восьмерке в Белоруссии и двойке в Германии;
- водителю разрешают управление транспортными средствами, общий вес которых не превышает 3 500 кг (7 700 фунтов), где количество сидячих мест, помимо сидения водителя, не превышает восьми;
- достоинство марки в Республике Беларусь, стоимостью 200 белорусских рублей, предназначенной для уведомлений по стране.

Одиночные буквенные знаки могут использоваться как *сокращения слов*, например, V-sign, где V – Victory. Это знак победы союзников, связанной с поражением фашистской Германии во Второй мировой войне [20, с. 701, 755]. А с другой стороны, V – это иллюстрация жеста, символизирующего свободу, когда поднимается кисть руки с поднятыми вторым и третьим пальцами в виде этой буквы.

Выражение *to be marked with a T* – *быть отмеченным клеймом как вор*, где T, видимо, сокращение по первой букве *thief* (вор), можно рассматривать и как пример возможной передачи невербальной информации на письме посредством одиночного буквенного знака. На европейском пространстве клеймо (преступника) гипотетически могло иметь форму, похожую на букву T. Этот знак из-за сходства с виселицей, как ее раньше делали, был признан в древние времена «крестом виселицы» [26, с. 126].

Знак T широко использовался представителями многих народов для обозначения *невербальной информации*. У древних египтян он обозначал плодородие и жизнь. А в библейские времена – T, последняя буква еврейского алфавита, служила «знаком спасения израильтян, стоящих в дверях, чтобы защитить свои дома, когда Ангел Смерти прошел по Египту, чтобы уничтожить всех перворожденных в этой стране» [26, с. 126].

Все вышесказанное позволяет сформулировать следующие выводы: постулат о том, что буква – это единица языка, которая используется исключительно как графический знак, служащий для обозначения на письме фонем, следует опровергнуть. Во-первых, буквенный знак может обладать не только самостоятельным значением, но и быть многозначным и/или многофункциональным. Во-вторых, буква – это репрезентант единиц практически всех языковых уровней. В-третьих, функционирование буквенных знаков предопределено системой конкретных языков, контекстом употребления и культурной традицией.

Дальнейшей перспективой исследования данной проблематики может стать привлечение материала других языков, например, белорусского, украинского.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лотман, Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. – СПб., 2000. – 703 с.
2. Руднев, В.П. Словарь культуры XX в. / В.П. Руднев. – М. : Аграф, 2001. – 601 с.
3. Гринев, С.В. Введение в лингвистику текста / С.В. Гринев. – М. : МПУ, 1997. – 47 с.
4. Сусов, И.П. Семантическая структура предложения / И.П. Сусов. – Тула : Тульский гос. пед. ин-т им. Л.Н. Толстого, 1973. – 141 с.
5. Звегинцев, В.А. Очерки по общему языкознанию / В.А. Звегинцев – М. : МГУ, 1962. – 384 с.
6. Уфимцева, А.А. Лексическое значение: принцип семиологического описания лексики / А.А. Уфимцева. – М. : Наука, 1986. – 240 с.
7. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 576 с.
8. Лингвистический энциклопедический словарь / редкол.: В.Н. Ярцева [и др.]. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 685 с.
9. Glück, H. Metzler Lexikon Sprache / H. Glück. – Stuttgart, Weimar : Verlag J.B. Metzler, 1993. – 711 с.
10. Реформацкий, А.А. Введение в языковедение / А.А. Реформацкий. – М. : Аспект пресс, 2005. – 536 с.
11. Энциклопедия русского языка / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН; редкол.: Ю.Н. Караулов [и др.] – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Большая Рос. энцикл.; Издат. дом Дрофа, 1997. – 703 с.
12. Александрова, О.В. Изучение языка как важнейшей составляющей филологической науки // Филологические науки. – 2007. – № 3. – С. 10–18.
13. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М. : АЗЪ, 1995. – 928 с.
14. Deutsches Universal Wörterbuch : A–Z. / Wissenschaftlicher Rat und die Mitarbeiter der Dudenredaktion; G. Drosdowski [u.a.]. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich : Dudenverlag, 1989. – 1816 s.
15. Hornby, A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / A.S. Hornby. – Oxford University Press, 2000. – 1539 p.
16. Hermann, U. Knaurs Herkunftswörterbuch / U. Hermann. – München : Lexikographisches Institut, 1982. – 520 s.
17. Смирницкий, А.И. Морфология английского языка / А.И. Смирницкий. – М. : Первая Образцовая типография имени А.А. Жданова, 1959. – 440 с.
18. Русская грамматика: в 2 т / АН СССР, Ин-т рус. яз. – Т. I: Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. – М. : Наука, 1980. – 783 с.
19. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich : Duden, Bd. 4. – 864 s.
20. Мюллер, В. Большой англо-русский словарь / В. Мюллер. – М. : Цитадель-трейд Лада, издат. дом РИПЛ КЛАССИК, 2006. – 831 с.
21. Лейн, К. Немецко-русский (основной) словарь / К. Лейн, Д.Г. Мальцева, А.Н. Зуев. – М. : Рус. яз., 1992. – 1040 с.
22. Шаховский, В.И. Лингвистика эмоций / В.И. Шаховский // Филологические науки, 2007. – № 5. – С. 3–13.
23. Schmidt, W. Grundfragen der deutschen Grammatik / W. Schmidt. – Berlin : Volk und Wissen Volkseigener Verlag, 1977. – 332 s.

24. Götze, L. Grammatik der deutschen Sprache / L. Götze., E. Hess-Lüttig. – München : Lexikographisches Institut, Knaurs, 1989. – 624 s.

25. Admoni, W. Der deutsche Sprachbau / W. Admoni. – М., Л. : Просвещение, 1986. – 334 с.

26. Энциклопедия символов / сост. В.М. Рошаль. – М. : АСТ; СПб. : Сова, 2007. – 1007 с.

Rubanyuk E.V. Functioning of a Letter sign in the Russian, German and English languages

The Functioning of a separate letter sign is not restricted to the indication of phonemes in writing only, but it is able to represent the units of practically all language levels: phonemes, morphemes, words, sentences; as well as to convey extralinguistic and nonverbal information. The examples taken from the Russian, English and German languages illustrate that the polyfunctionalism of a letter sign is predetermined by the language systems, context and cultural traditions.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 12.03.2011